

**Міністерство освіти і науки України
Житомирський державний університет імені Івана Франка
Кафедра теорії та історії світової літератури**

**Серія «Бібліотека кафедри теорії та історії світової
літератури НН ІФЖ ЖДУ ім. І. Франка»**

**ЖИТОМИР
«ПОЛІССЯ»
2014**

*Моим родителям –
Антонине Георгиевне и
Федору Борисовичу
Бондаренко*



Галина Бондаренко

***ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ ПРОСПЕКЦІЇ:
КОМПАРАТИВІСТСЬКА ГЕНОЛОГІЯ***



ЖИТОМИР
«ПОЛІССЯ»
2014

УДК 82.09 – 1/-9
ББК 83:83.3
Б 81

*Надруковано за ухвалою Вченої ради
Житомирського державного університету ім. І. Франка
(протокол № 10 від 27 травня 2011 року)*

Рецензенти:

Петро Васильович Білоус,
доктор філологічних наук, професор.
Володимир Олегович Єршов,
доктор філологічних наук, професор.
Луїза Костянтинівна Оляндер,
доктор філологічних наук, професор.

Г. Ф. Бондаренко. Літературознавчі перспекції: компаративістська генологія. – Житомир : Вид-во «Полісся», 2014. – 240 с. Серія «Бібліотека кафедри теорії та історії світової літератури НН ІФЖ ЖДУ ім. І. Франка».

ISBN 978-966-655-726-4

Автор збірки досліджує основні тенденції та закономірності розвитку світової літератури в їх історичному русі від XVIII ст. до сучасності. Це завдання реалізується через висвітлення проблематики художніх творів, спостереження над виникненням, розвитком та взаємодією провідних жанрів, пануючих літературних стилів, системи художніх принципів та засобів організації та функціонування тексту в синхронії та діахронії. Дослідник аналізує твори Вольтера, А. Адамовича, Л. Андрєєва, В. Астаф'єва, М. Булгакова, Г. Веллса, В. Катаєва, Т. Манна, Дж. Д. Селінджера, С. Смірнова, Г. Філдінга, К. Чапека з позицій компаративістської генології, перспективних шляхів поступу методології сучасного літературознавства.

Книга призначена спеціалістам-літературознавцям, вчителям-словесникам, аспірантам, студентам-філологам, всім, хто цікавиться проблемами сучасного літературознавства.

ISBN 978-966-655-726-4

© Г. Бондаренко

З М І С Т

Інтелектуалізм у літературі

Притча як видова категорія	9
Філософська повість-притча: досвід Вольтера	14
Своєрідність жанрової природи повісті Вольтера «Кандід, або Оптимізм»	20
Притчева матриця в оповіданнях Леоніда Андрєєва про революцію	29
Структура художнього світу в новелі Томаса Манна «Смерть у Венеції»	35
Слов'янські типи в новелістиці Томаса Манна	44
Особенности жанровой природы повести Виктора Астафьева «Печальный детектив»	50

Надбання романного жанру

Прояви авторської свідомості у вступних есе роману Генрі Філдінга «Історія Тома Джонса, знайди»	65
«Великий сміливець сучасності». «Війна світів» Герберта Джорджа Веллса як роман-пересторога	76
«Вболіваючи за людину і людство». Жанрова природа роману Карела Чапека «Війна з саламандрами»	85
«Над прірвою у житті» Дж. Д. Селінджера як лірико-психологічна повість	90
«Брестская крепость» С. С. Смирнова: к проблеме документализма	99
Про деякі особливості поетики «мовістських» творів Валентина Катаєва	108
Реінтерпретація документу: «Книги народної пам'яті» Алєся Адамовича	115

Нова драма: «друга хвиля»

Драматургічні експерименти Леоніда Андрєєва	127
Між епікою та драмою: досвід М. О. Булгакова (на матеріалі роману «Життя пана де Мольєра» та п'єси «Кабала святош»)	136
Ремарка у художньому світі Михайла Булгакова	144
Концептуальність хронотопа в романі Михайла Булгакова «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбиных»	154

Поетичні перспективи

Анна Ахматова – російська Сапфо	173
Людина і світ в поезіях К. І. Галчинського	187
Концептуальна поезія: витоки і розвиток	196

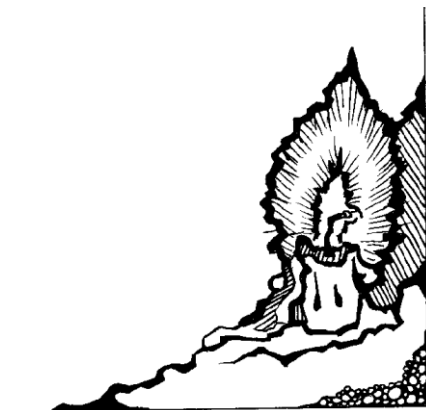
Есеїстика

«Друг вечный...» (Ф. М. Достоевский)	207
Сестра моя – жизнь (Б. Л. Пастернак)	210
«Рукописи не горят...» (М. А. Булгаков)	218
Новый Аввакум (А. И. Солженицын)	226
«Мне повезло во всех отношениях...» (И. А. Бродский)	233



Надбання романного жанру

Частина друга



*Будем, будем колдовать
И обмениваться снами,
Из которых узнавать
Можно все, что будет с нами*

Юнна Мориц

«БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ» С. С. СМІРНОВА: К ПРОБЛЕМЕ ДОКУМЕНТАЛИЗМА

Творчество Сергея Сергеевича Смирнова (1915 – 1976) – яркая и своеобразная страница в летописи литературы о Великой Отечественной войне. Не только личное участие (С. С. Смирнов был строевым офицером и военным журналистом) определило приверженность писателя к теме войны. Отвечая на вопросы редакции журнала «Вопросы литературы», он писал: «Подвиг, который совершил в этой войне наш советский народ, больше, чем что-либо другое, раскрыл его истинную душу, его настоящий характер. А писатель в конечном итоге прежде всего исследует характер народа. И мне кажется, что материал войны в этих поисках народного характера может дать чрезвычайно богатые результаты» [11, с. 52].

Философско-психологическое исследование характера советского человека, его героизма и патриотизма – основа всех произведений С. С. Смирнова. Задачи, стоящие перед военной прозой 60-х годов, связанные с углублением историзма, усилением личностного начала в литературе, с обострившимся вниманием к документальной основе, так преломились в творчестве писателя, что дали критике основание «ставить его „Брестскую крепость” в начало военной прозы» [13, с. 256].

Взгляд на события войны и поведение человека на войне все более тяготеет к масштабности, к осмыслению уроков минувшей битвы, к пристальному исследованию потенциала характера «настоящего» советского человека. Эти тенденции, вызванные к жизни развитием общественной мысли, повлекли за собой и образное обновление прозы. Характерной особенностью нового подхода к воплощению героических событий войны в литературе является властное вторжение документа, когда «материалом для строительства образа служит изображение подлинной действительности, а не материализация представлений о ней» [5, с. 8].

Внимание к документальному материалу было свойственно и литературе периода Великой Отечественной войны. Подлинным открытием для читателей явились произведения «бывалых людей» – партизанский эпос, записки и воспоминания участников военных

событий. Трагическое четырехлетие открыло столько фактов поразительного героизма и мужества советских людей, что документальный материал по силе и выразительности зачастую превосходил любой вымысел. «После всемирной войны, – отмечал Вс. Вишневский, – люди не смогут читать отцеженные „благополучные“ книги» [3, с. 332]. И в другом месте: «Надо собирать исповеди, признания, дневники – мечты народа о будущем. Это огромная тема: духовный, эстетический рост, подъем» [3, с. 625].

Для так называемой «второй волны» военной прозы характерно дальнейшее вторжение документального материала в художественные жанры. Особого внимания в этом плане заслуживает творческий опыт С. С. Смирнова. Война наложила неизгладимый след не только на выбор тем, но и на жизненное мировосприятие писателя, на понимание им своего гражданского долга: воскресить для нынешнего и будущих поколений героическую жизнь и борьбу защитников нашей Родины. Уже в первых послевоенных произведениях С. С. Смирнова «В боях за Будапешт» (1947) и «Сталинград на Днепре» (1958) чувствуется острая тяга к подлинности, конкретности, документальной точности изложения. Значительное место в этих очерках занимают личные наблюдения и воспоминания автора, его военный опыт. С. С. Смирнов одним из первых ступил на опасное «минное поле» открытия темы военнопленных, защиты доброго имени побывавших на оккупированных территориях.

Но для масштабного исследования общей панорамы войны (а именно в этом направлении шло развитие современной прозы) опыта военного журналиста было явно недостаточно: такой опыт не был свободен от узости и приблизительности. А. Адамович отмечал, что «документ по-прежнему решительно вторгается в „военную литературу“». Но искать его, видимо, следует и в живой памяти народной – она тоже способна стать документом, если дать ей прозвучать, проявиться в полную силу. Не на этом ли направлении возможен поиск нового „синтеза“? Не в суммировании, а в помножении, возведении в степень опыта личностного, „документа“ в обычном понимании и живой памяти народной» [1, с. 9].

Такой синтез нашел свое талантливое воплощение в писательской деятельности С. С. Смирнова, особенно в его «Брестской крепости» (1964) – произведении, которому автор

посвятил десять лет жизни и которое по праву в 1965 г. было отмечено высшей наградой – Ленинской премией.

История Брестской крепости и ее героических защитников, принявших бой с врагом в первые часы войны, будучи по мужеству и героизму одной из славнейших страниц нашей истории, достоверно никому не была известна. О смелости писателя, обратившегося к этой теме, об уникальности опыта его работы хорошо сказал А. Нилин: «Ему предстояло документировать легенду – доказать ее» [8, с. 187]. Сложность задачи предполагала и новизну решения: сюжетная структура книги такова, что читатель становится свидетелем не только подвига защитников Брестской крепости, но и свидетелем авторских поисков и находок (творческая лаборатория писателя нарочито раскрыта, входит на равных правах в эстетическое целое произведения).

История поисков участников Брестской обороны не затмевает авторской сверхзадачи, наоборот, такое построение книги подчеркивает многогранность ее содержания. Поиск, предпринятый С. С. Смирновым, не только спас имена честных и достойных людей от забвения, но и личным примером самого писателя напомнил живым об их долге перед павшими. Композиционное своеобразие «Брестской крепости» соответствовало ведущей тенденции военной прозы соединить два времени: прошлое – героические события войны – и нашу современность. Два временных плана, переплетающихся в книге, способствуют углублению исторического видения событий первого года войны, пониманию истинных масштабов подвига брестцев, а также позволяют перейти от повествования о защите крепости к повествованию о судьбах ее защитников. «День сегодняшний со всеми его приметами и заботами соприкасается с днями войны. Настоящее смыкается с прошлым, вырастает из него» [12, с. 216].

Кредо писателя «Правду, ничего, кроме правды!» нашло свое отражение и в избранном принципе работы – строго документальном, обусловленном самим жизненным материалом. С. С. Смирнов так говорит об этом: «Если бы я писал повесть или роман с придуманными героями, священное право литератора на вымысел оказалось на моей стороне, и я имел бы, выражаясь по-военному, „полную свободу маневра” и был бы избавлен от „цепей документализма”» [6, с. 207].

Начав с поисков очевидцев и участников обороны Бреста, писатель не только сам вел огромную исследовательскую работу. Он

привлек к ней, выступая по радио, а потом и по телевидению, миллионную аудиторию. Поистине «всенародно слагался эпос» [4, с. 39].

Восприятие героических событий художником уточнялось и обогащалось памятью народной. В работе над историей Брестской крепости органически соединились безошибочно избранная общественно значимая тема и исследовательский талант писателя. В главе «Начало поисков» он так объясняет выбор именно этой темы: «В ней ощущалось присутствие большой и еще не раскрытой тайны, открывалось огромное поле для изысканий, для нелегкой, но увлекательной исследовательской работы. Чувствовалось, что эта тема насквозь проникнута высоким человеческим героизмом, что в ней как-то особенно ярко проявился героический дух нашего народа, нашей армии» [10, с. 34–35]. В этих словах объяснение и специфики сюжетной структуры книги.

Повествование об обороне Брестской крепости несет, естественно, основную смысловую и эмоциональную нагрузку. Линия поисков героев тесно связана и соотнесена с основной сюжетной линией, но в то же время отличается и относительной самостоятельностью – она вводит нас в мир сегодняшней жизни оставшихся в живых защитников крепости, в ней раскрывается образ автора-повествователя, добывающегося установления истины. К тому же именно с этой линией связаны авторские установки в системе изобразительных средств, раскрытие путей исследования, принципы работы с документом.

Документально-публицистический подход к решению проблемы героического сопротивления народа захватчикам требовал от писателя особого внимания при организации материала. «Надо было тщательно сопоставить все воспоминания, отделить действительное от мнимого, кажущегося, соединить отдельные, нередко разрозненные факты в логическую цепь событий, проследить ход обороны на различных участках», – писал С. С. Смирнов [10, с. 51–52].

Свободная композиция позволила автору создать эпическую панораму всенародной борьбы. Особенно выделяются главы, повествующие о ходе боев. Здесь в полной мере сказалось мастерство писателя в раскрытии драматизма событий, в точности отбора фактов и деталей, в умении воссоздать атмосферу подлинности. Так, в главе «Крепость ведет бой» автор сурово и правдиво передаст ситуацию

внезапности вражеского нападения: «Рушились и горели дома, и люди гибли в огне и под развалинами, с криками металась по двору обезумевшие, полураздетые женщины с детьми и падали, пораженные осколками. В казармах на окровавленных нарах стонали раненые» [10, с. 52].

За внешней сухостью и лаконизмом чувствуется сдерживаемая боль и горечь. В то же время такая манера повествования способствует усилению ощущения достоверности. Этой же цели служит и показ писателем начала боя на разных участках крепости: в казармах Центрального острова, у Кобринских и Тереспольских ворот. Эта конкретность, стремление с максимальной полнотой передать начало обороны дают возможность показать, что, несмотря на ошеломляющую внезапность нападения и неизбежное замешательство первых минут, повсеместно, на всех участках Брестской крепости велось организованное сопротивление врагу. Повествование обретает внутреннюю динамику, нет ни одного описания, задерживающего движение рассказа. Свидетельства очевидцев трансформируются в такое изображение действительности, которое производит впечатление видимой картины: «И вдруг совершенно неожиданный, ошеломляющий удар обрушился на противника. Какой-то глухой, протяжный шум послышался внутри казарменного здания; двери, ведущие во двор, рывком распахнулись, и с оглушительным, яростным „ура“ в самую середину наступающего немецкого отряда потоком хлынули вооруженные советские бойцы, с ходу ударившие в штыки. В несколько минут враг был смят и опрокинут» [10, с. 55].

Принципы создания целостной картины боя у С. С. Смирнова близки приемам кинематографа, в частности, документального кино: яркой вспышкой высвечивает он наиболее выразительные эпизоды обороны (контрудар 84-го стрелкового полка, первая штыковая атака, бой 98-го противотанкового артиллерийского дивизиона) и монтирует их в единое целое.

Большое значение в плане углубления объективности повествования имеет обращение писателя к документу, захваченному в немецком архиве: автор вводит его в текст произведения и достигает значительного психологического и художественного эффекта, ибо фактически «Боевое донесение о занятии Брест-Литовска» является признанием беспримерного мужества и героизма защитников крепости даже со стороны врага. К тому же документ в данном случае дает автору возможность перейти от осмысления

войны в конкретном разрезе одного участка фронта к глубокому осмыслению хода исторических событий в целом: «Гитлеровская армия не отступала ни разу ни на западе, ни на севере, ни на юге Европы, но она вынуждена была отступить в районе Брестской крепости в первый же день войны на востоке, против СССР» [10, с. 64].

Документ выступает неопровержимым аргументом и в страстном гражданском споре С. С. Смирнова с обывательскими суждениями. Этот спор, в конечном счете, вырастает до глобальной проблемы о цели и смысле человеческой жизни: «Я долго собирал материал о своих героях <...>. Иногда слышал, и не только от брестского обывателя: а какой смысл был в этой обороне, когда все были заранее обречены? Безумные люди – сопротивлялись, сражались тогда, когда бесполезно уже было сопротивляться. Обывательская философия, философия чудовищного эгоизма, когда центр вселенной – моя драгоценная жизнь, которую я желаю сохранить во что бы то ни стало. Во что – мы знаем – ценят они ее: ей цена свобода, Отечество, честь» [2, с. 45–46].

Публицистический накал мысли писателя-гражданина определяет все звучание книги, сливается с переживаниями ее героев. Ощущение себя частицей единой силы, имя которой советский народ, придает особую убедительность словам С. С. Смирнова, когда, прерывая рассказ о жестоком бое не на жизнь, а на смерть, он пишет о «глубокой, непоколебимой уверенности в том, что вероломно напавший враг будет <...> наголову разбит и снова отброшен за государственный рубеж <...>. Граждане великой страны, хорошо знающие мощь своей Родины и ее армии, воспитанные на славных, победных традициях советских войск, они не могли думать иначе» [11, с. 65]. В газетной публикации этот отрывок воспринимался бы как добротная публицистика, но в документально-художественном произведении, в контексте его, авторские выводы не только публицистичны – они служат и средством художественного обобщения.

Обращение к документу, опора на свидетельства очевидцев, архивные изыскания, мемуарная литература, бесспорно, сыграли важную роль в воссоздании исторической правды о войне, осмыслении ее уроков. Но главный итог поисков писателя – человек, во всем его величии и красоте. Это отмечают все исследователи творчества С. С. Смирнова, его собраты по перу. «Не „сюжет”

подвига, восстановленный тщательным монтажом тщательно и отважно разысканных фактов, но нравственная основа его – вот главное в этой книге» [8, с. 18].

Верный принципу историзма, автор изображает характеры и обстоятельства в их взаимосвязанности. В биографиях и судьбах его героев соединилось довоенное время, период войны и современность. В борьбе они были непоколебимы – капитан Зубачев и комиссар Фомин, рядовой Александр Филь, «Гаврош Брестской крепости» Петя Клыпа и майор Гаврилов, военфельдшер Раиса Абакумова и многие, многие другие – рядовые и старшие по званию, совсем юные и испытанные бойцы отдают свои силы, умение, жизнь общему делу – защите своего Отечества. В сложных, драматических ситуациях С. С. Смирнов постоянно выделяет и подчеркивает героическую сущность характера советского человека. В каждом образе есть «та идея, та высокая жизненная цель, которой определяют самую сущность героического поступка, ее человеческую привлекательность» [7, с. 120].

Исследование героического характера в «Брестской крепости» выступает в конкретно-историческом и национально-конкретном проявлении. Состав защитников крепости был интернациональным: русские и украинцы, белорусы и татары, вместе с ними защищали ее и немец Вячеслав Мейер и др. Но перед всеми стояла одна цель: преградить путь фашизму. «Приказ № 1» от 24 июня 1941 г., который писатель приводит в конце седьмой главы, подчеркивает монолитное единство участников обороны в их решимости драться с врагом до конца, говорит о дисциплине и организованности бойцов и командования. Документ как бы скрепляет рассказы о героизме отдельных защитников крепости единой концепцией массового героизма и служит своеобразным логическим мостиком между главами. Огромную силу воздействия оказывают и приводимые писателем надписи на стенах крепостных строений. Авторские комментарии к этим потрясающим документам подчеркивают глубокую осознанность героического деяния, приковывают внимание читателей к наиболее важным событиям обороны. Использование документальных материалов не только придает исторический характер повествованию. Важна их роль и в создании отдельных образов. Внимание писателя к каждому бойцу в отдельности подчеркивается названием глав: «Поиски Александра Филья», «Подвиг майора Гаврилова», «Комиссар», «Друзья-краснодарцы» и т.д. Рассказы очевидцев, выдержки из переписки

автора с оставшимися в живых участниками обороны, внимательное изучение архивных материалов способствовали созданию ярких и запоминающихся образов.

«Почти всегда Смирнов стремится сохранить облик собеседника, передать его речевую манеру, поведение и т.п.», – отмечает П. Е. Гликин в книге «Молодой герой советской литературы». Однако сравнивать на этом основании писательскую практику, как это делает исследователь, с «приемами записей фольклориста» [4, с. 41], на наш взгляд, неправомерно. Фольклорист спокойно и беспристрастно фиксирует события и факты; жизненность образам, созданным С. С. Смирновым, помимо других компонентов, придает авторское эмоциональное отношение, страстное сопереживание судьбам своих героев. Документализм как основной принцип повествования определил и авторскую манеру изложения материала: сдержанность, немногословность, тщательный отбор деталей, выразительность и точность языка.

«Сочетание героизма людских поступков, о которых рассказано в книге, со спокойным аналитическим деловым тоном рассказа дает ощущение подлинности излагаемых в ней событий, – писал большой мастер батальной прозы К. М. Симонов. – Качество достоверности, вообще очень важное в литературе, в такой книге, как эта, является первейшим критерием ее художественного качества» [9, с. 490]. Помимо специфики речевого стиля атмосфера подлинности достигается у С. С. Смирнова благодаря использованию фактического материала как при описании панорамы всенародной битвы, так и при создании отдельных образов. Чрезвычайно важна в этом роль справочно-иллюстративного аппарата.

Необходимым показателем достоверности является также степень компетентности автора и соответствие его как личности избранной теме. В «Брестской крепости» наиболее полно реализованы возможности документального материала и документальной структуры, что позволяет считать ее серьезным достижением документально-художественной прозы. Творческий опыт С. С. Смирнова показал, как многообразны функции документа в современной литературе, какими большими возможностями он обладает в эстетическом плане.

Многое изменилось в мировой истории после окончания Великой Отечественной войны, ушло в прошлое государство под названием СССР, но подвиг народа навсегда останется бессмертным,

и фильм «Брестская крепость» (2012) и его живое восприятие новым молодым поколением тому самое яркое подтверждение.

1. Адамович А. Ответы на вопросы анкеты «Этих дней не смолкнет слава» // Вопросы литературы. – 1975. – № 5. – С. 7–10.
2. Богатко И. А. Мужество века. Актуальность современной советской прозы о войне. – М. : Просвещение, 1986. – 110 с.
3. Вишневский Вс. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 3: Дневники военных лет 1941 – 1942. – М. : Гослитиздат, 1956. – 771 с.; – Т. 4: дневники военных лет 1943 – 1945. – М. : Гослитиздат, 1958. – 932 с.
4. Гликин П. Е. Молодой герой советской литературы. В прозе о Великой Отечественной войне. – М. : Просвещение, 1980. – 80 с.
5. Куприяновский П. В. Проблемы изучения художественно-документальной литературы // О художественно-документальной литературе. Ученые записки Ивановского пединститута. – Т. 105. – 1972. – С. 3–21.
6. Лакшин М. Дело жизни // Москва. – 1973. – № 9. – С. 207–209.
7. Ломидзе Г. И. Нравственные истоки подвига // Литература великого подвига (Великая Отечественная война в советской литературе) / Сб. ст. – М. : Художественная литература, 1970. – 438 с. – С. 107–137.
8. Нилин А. Открытие подвига // Октябрь. – 1975. – № 9. – С. 198–199.
9. Симонов К. Чувство долга // Смирнов С. С. Брестская крепость. – М. : Молодая гвардия, 1965. – 495 с. – С. 490–493.
10. Смирнов С. С. Брестская крепость. – М. : Молодая гвардия, 1965. – 495 с.
11. Смирнов С. С. Ответы на вопросы анкеты «О прошлом во имя будущего» // Вопросы литературы. – 1965. – № 5. – С. 52–54.
12. Смоляницкий С. Его главная книга // Октябрь. – 1977. – № 9. – С. 213–219.
13. Соколов В. Книга подвига и подвиг книги // Новый мир. – 1975. – № 8. – С. 264–268.